

шестидесятником всю жизнь (в переписку с Верой Николаевной и писателями из окружения Бунина он вступил совсем молодым человеком), с признательностью прочли многие. Но и она, безусловно, не последняя. Кто-то из пишущих собратьев уже вынашивает главную книгу о Бунине, которая, как козырной туз, накроет все, написанное раньше...

Комментируя известное бунинское двустишие *«Я человек: как бог, я обречен Познать тоску всех стран и всех времен»* (1909), Михайлов справедливо говорит о внутренних метаморфозах, пережитых поэтом в первое пятнадцати — шестнадцатилетие XX века: необычайном расширении его личности, новом для него элементе «всечеловеческого», об обращении *«к лирике философской, продолжающей тютчевскую проблематику»* (я бы сказала, религиозную. — Т. Ж.).

А вот атеизма, даже *поверхностного*, который усмотрел Михайлов в стихах «Каменная баба» и «Мистика», я лично за Буниным не числю.

В молодости он охотно делил простую веру, приятие христианского обряда, торжество церковного праздника с *усталым, кротким братом* — сельским крестьянином. Вот концовка стихотворения «Троица»:

Ты нынче с трудовых засеянных полей
Принес сюда в дары простые приношенья:
Гирлянды молодых березовых ветвей,
Печали тихий вздох, молитву — и смиренья.

В зрелости, пережив и утрату родного очага, и смерть близких, и не одну горькую любовь, пересказывал, близко к тексту оригинала, Откровение Иоанна:

Воистину достоин восприяти
Ты, Господи, хвалу и честь и силу
Затем, что все Тобой сотворено
И существует волею Твоею.
(«Из Апокалипсиса»)

В годы гражданской смуты под его пером рождается «Вход в Иерусалим», где за отталкивающим портретом мстителя-калеки — символа *«кровавого пира для всех обойденных судьбой»* — следуют прямо евангельские строки:

И ты, Всеблагой,
Свете тихий, вечерний,
Ты грядешь посреди обманувшейся черни,
Преклоняя свой горестный взор,
Ты вступаешь на кротком осляти
В роковые врата — на позор,
На проклятье!

С внутренним согласием-несогласием прочла я монографию Геннадия Карпенко «Творчество И. А. Бунина и религиозное сознание рубежа веков» (Самара, «Универс-групп», 2005). Карпенко бесстрашно вступает в область, для многих заповедную: сопрягает библейские мотивы в стихах с религиозно-художественными элементами других религий и метафизических систем. В первую очередь с Кораном, который называет *«своеобразным продол-*